

городов Фессалии, двинулись на север, было соединение с населением Болгарии для совместной борьбы против византийского господства. Таким образом, это восстание рассматривается не в качестве какого-то изолированного эпизода, а как этап народно-освободительного движения болгар и влахов, к которому примкнула также часть угнетенного греческого населения.

Социальному составу участников богомильского движения в Болгарии была посвящена статья В. Ф. Храпченко, по мнению которого богомильство в основном исходило из деревни, хотя, как доказывает автор, в нем принимали участие и городские слои населения¹¹⁸.

За последние годы советские византилисты неоднократно обращались к изучению периода правления Андроника I Комнина. Это время было ознаменовано острой классовой борьбой и сильными политическими потрясениями. Вслед за Н. П. Соколовым¹¹⁹ и М. М. Фрейденбергом¹²⁰ данного периода касались Г. Г. Литаврин, М. Я. Сюзюмов и К. Н. Юзбашян. Г. Г. Литаврин¹²¹ поддержал высказанное М. М. Фрейденбергом мнение, что реформы Андроника I были уступкой народным массам, сделанной в условиях нараставшей борьбы угнетенных против феодалов и государства. Он выдвинул предположение, что Андроник пытался опереться на мелких и средних феодалов, а также на свободное крестьянство, главным образом в европейских фемах империи. К. Н. Юзбашян попытался обосновать тезис о том, что внутренняя слабость Византии в конце XII в., обусловившая ее падение в 1204 г. под ударами крестоносцев, объясняется непрерывной и напряженной классовой и политической борьбой в империи¹²².

Иначе трактовалась политика Андроника I и определялись причины слабости Византии в работе М. Я. Сюзюмова¹²³. По его мнению, Андроник I пытался превратить Византию в централизованную монархию, но, не имея для этого достаточной социальной базы, действовал с помощью террора, чем в конце концов вызвал против себя общее возмущение. Причины дальнейшего ослабления империи М. Я. Сюзюмов видит в событиях, последовавших вскоре после свержения Андроника.

А. С. Тверитинова и А. Д. Новичев посвятили свои исследования крестьянским восстаниям начала XV в. в Турции. Опираясь на византийские и турецкие источники, они показали, как социальные противоречия оказались сильнее противоречий этнических и вероисповедных и угнетенное турецкое и греческое население объединилось в общем выступлении против феодалов и турецкого государства¹²⁴.

вой («Югозападные болгарские земли през XI в. според „Стратегикона“ на Кекавмен». ИИБИ, VI, 1956), которая в оценке восстания 1066 г. пришла к сходным выводам.

¹¹⁸ В. Ф. Храпченко. О социальном составе участников богомильского движения в Болгарии. «УЗ Псковского гос. пед. ин-та», VI, 1958, стр. 321—334.

¹¹⁹ Н. П. Соколов. К вопросу о взаимоотношениях Византии и Венеции в последние годы правления Комнинов (1171—1185). ВВ, V, 1952, стр. 139—151.

¹²⁰ М. М. Фрейденберг. К истории классовой борьбы в Византии в XII в. «УЗ Великолукского гос. пед. ин-та», 1954, стр. 47—49.

¹²¹ Г. Г. Литаврин. Налоговая политика Византии в Болгарии в 1018—1185 гг. ВВ, X, 1956, стр. 92—99.

¹²² К. Н. Юзбашян. Классовая борьба в Византии в 1180—1204 гг. и Четвертый крестовый поход. Ереван, 1957, стр. 65—69. См. рецензии М. А. Заборова и М. М. Фрейденберга (ВВ, XV, 1959, стр. 203—214).

¹²³ М. Я. Сюзюмов. Внутренняя политика Андроника Комнина и разгром пригородов Константинополя в 1187 г. ВВ, XII, 1957, стр. 58—74.

¹²⁴ А. С. Тверитинова. К вопросу об изучении первого антифеодального крестьянского восстания в средневековой Турции. ВВ, XI, 1956, стр. 200—224; А. Д. Новичев. Крестьянское восстание в Турции в начале XV века. «Проблемы востоковедения», 1960, № 3, стр. 67—81.